

словамъ именно тѣхъ монаховъ самоучекъ, которые своими личными подвигами достигали или дополняли познаніе законовъ внутренней борьбы со зломъ. Вотъ почему онъ любилъ оптинскаго старца Амвросія, ходилъ нѣкоторое время по монастырямъ, исповѣдывался, словомъ старался дѣлать тоже, что дѣлаетъ простой народъ въ своемъ стремленіи поучиться духовному добродѣланію. Но и въ этомъ Л. Толстой допустилъ крупную ошибку. Говѣніе, путешествія по святымъ мѣстамъ и проч. дѣла подвига, предпринимаемаго русскимъ народомъ, полезны бывають для такихъ людей, у которыхъ предполагается уже твердо установившаяся религіозная убѣжденность. Для людей же колеблющихся, отвергающихъ основныя истины христіанства, эти средства будутъ непригодны и необходимъ другой путь теоретическаго, научнаго разбора и доказательствъ въ тѣхъ коренныхъ богословскихъ вопросахъ, которые кажутся мыслителю темными и даже соблазнительными. На это весьма мѣтко указалъ Льву Николаевичу епископъ Исидоръ, посѣтившій его въ Москвѣ вскорѣ послѣ отлученія. На предложенное увѣщаніе Толстой отвѣтилъ: „Я свои убѣжденія не выдумалъ, а провѣрялъ ихъ собственнымъ опытомъ, путешествуя по монастырямъ и причащаясь неоднократно“. „Но опытъ то былъ неудачный“, замѣтилъ ему гость, „ибо причастіе не для сомнѣвающихся, а для вѣрующихъ. Помните, что было послѣ перваго причащенія съ однимъ изъ его участниковъ: „и по хлѣбѣ томъ вниде въ онъ сатана“.

Оставаясь въ этомъ случаѣ типичнымъ русскимъ баринномъ, Л. Толстой допускалъ только сверхъестественный, мистическій путь возвращенія вѣры въ свою душу, а пособія научныя не только отрицалъ, какъ и все научное богословіе, отождествляя его съ западной схоластикой, но договорился до такого абсурда, будто символъ вѣры не можетъ быть никоимъ образомъ согласованъ съ нагорной проповѣдью Спасителя. Какъ же тогда смотрѣть на жизнь преп. Антонія Великаго, Іоанна Златоуста и другихъ безчисленныхъ проповѣдниковъ, положившихъ жизнь на защиту символа вѣры и явившихъ вмѣстѣ съ тѣмъ міру великіе и неподражаемые на всѣ вѣка образцы добродѣтели.

Но если въ теоретическихъ взглядахъ Толстого проглядываетъ страшная путаница, подъ вліяніемъ черствой фило-